

Автор - Майя Шварцман, Гент (Бельгия).

Памяти деда. 1895-1937

Пока твоя пора – резвись в саду серебряном австрийском,
играй, смешливый гимназист, бросай снежки, несись вдогонку.
В кармане варежек комок прилип к ореховым ирискам.

Летит запущенный снежок.

Придёт четырнадцатый год, и портупея на погон, как
влитая ляжет, и пойдёт мотать тебя в чужой сторонке –
давай держись,
пока не оборвётся жизнь в расстрельном дворике чекистском.

Гоняй в горелки и лапту, веди с друзьями разговоры.

Подобранною на мосту тyani по изгороди палкой, –
затараторит так свежо скороговорочка забора.

Летит запущенный снежок.

Как пулемёт, трещит забор, взлетают взбалмошные галки,
все враз, как погребальный хор, заходятся в картавом гвалте
и на лету
роняют перьев черноту на снежный сад белей фарфора.

Ни кинохроник, ни бумаг, всё в гулком пропадёт колодце.
Большой Медведицы черпак, плеща на звёздные окурки,
качается, сползает вбок луны черствеющая клёцка.
Летит запущенный снежок.
Под ним вращаются миры, и навзничь падают фигурки.
Уже совсем не до игры подростку в дымчатой тужурке.
Сквозь вязкий мрак
летит снежок и всё никак земли промёрзшей не коснётся.

* * *

Нам туда, нам туда, под составом гремит тамбури
залихватских колёс, презирающих тихие ямбы.
Раздвигая попутчиков, дайте пройти, говорим,
к головному вагону, глотая за тамбуром тамбур
(будто раньше доедешь, чем те, что у окон стоят)...
Впереди ресторан, машинист, огоньки, перспективы.
Мимо зайцев, курильщиков, пьяниц, помятых наяд
мне туда, мне вперёд – жизнерадостно, нетерпеливо.

В монотонном единстве идёт за вагоном вагон,
в каждом спят, выпивают, беседуют, в карты дурачат.
Коридорами вытянут, жаром титанов сморён,
сквозняком прополоскан, становишься будто прозрачен.
Столько стрелок, гудков, столько встречных тебя рассекут,
что за поручни руки хвататься слегка подустанут.
Посмотри за окно: неподвижен пейзажа лоскут.
Поезд мчит сквозь тебя, выходи, это твой полустанок.

* * *

*На скорбного отца, как на ловца,
под нож его любви невыносимой
замену возлюбленного сына
бежит овца. –*

Читаешь, попивая кюрасо,
довольный знаньем, греясь у камина.
Раз этот текст священен, мы невинны.
Нам можно всё.

Не изменяешь, не крадёшь, не лжёшь,
нож разрезальный в Библии закладкой.
По правилам живущий, честный, гладкий –

ты всем хорош.

По магазину зорок, острозуб,
проходишь ты, достатком подпоясан,
как мясо, выбирающее мясо,
за трупом труп.

На алтаре витрины в зимний день
с тимьяном и маслинами в подглазьях,
разделанный на порции под праздник
лежит олень.

Для умиротворения романс
над залом из динамиков курлычет.
Песнь лебедя над грудой битой дичи.
Камилл Сен-Санс.

Чужую жизнь без устали жуя,
не думаешь о жертвоприношеньи.
Ведь на подносе голова оленья,
а не твоя.

И заглушает Реквием Форе,
как за стеклом в аквариуме хмуром
прозрачная, в родимых пятнах Рура
кричит форель.

